

Когда Сулла вошёл в каюту, женщины дружно встали.

Хык, Джок, Чон... если прибавить Гым, которая с испугом на лице следовала по пятам за Суллой, то весь квартет телохранителей, прозванных Морскими ведьмами, был в сборе. Но, несмотря на грозное прозвище, перед своим господином они смотрелись как мышки перед котом.

С хмурым видом Сулла протянул руку, молча указывая Хык, чтобы та передала принесённые попугаем письма.

Девушка развернула корреспонденцию и подала Сулле. Вид её при том был не слишком радостным. Очевидно, в тексте содержалось мало хорошего.

Писем оказалось два. В первом до сведения Суллы доносилось мнение сената, причём, примерно в тех же словах, что тот и предвидел.

Согласно тексту, объявление войны королевству Колом поставило сенат на уши. Упоминалось, что Маркус – самый влиятельный человек в сенате – буквально рвал и метал.

Во главе группы сенаторов, Маркус отправился на приём к императору Помпейнусу. И, представ пред его очи, резко раскритиковал Суллу.

«Ваше величество, как только что стало известно, командир Третьего корпуса Сулла объявил войну королевству Колом и вышел в море со всеми вверенными войсками. Знали ли ваше величество заранее? Я про сей возмутительный поступок Суллы.»

Император Помпейнус с кислым выражением лица покачал головой.

«Недавно получал доклад. В нём командир Третьего корпуса Сулла сообщал, что собирается заняться переброской войск. Не понимаю, в чём причина переполоха? Ну завоюет он то малое королевство, что с того?»

«Ваше величество!»

«Согласно докладу Суллы, королевство Колом совершило непростительный грех. Прошлой весной мы провозгласили принцип миролюбия в надежде очистить континент от войн. Вы ведь помните о том, Маркус? Однако дерзкий Колом буквально сразу же вторгся в соседнюю страну, словно в насмешку над нами!»

В конце речи император потряс стопкой папируса с докладом Суллы.

Маркус стоял с таким лицом, словно не мог понять, шутят с ним или нет. То есть, причиной войны объявили вот это?! Это же просто глупая отговорка!

И Маркус менторским тоном принялся перечислять риски такого решения. Всякий раз, когда он прибегал к этому, всем становилось очевидно, что он так просто не отстанет.

«Ваше величество, это неприемлемо. Как человек, в прошлом лично командовавший имперским легионом, я считаю перемещение вверенного подразделения без приказов императора и сената серьёзным преступлением. Командир корпуса не в праве самостоятельно принимать такие решения. Иначе рано или поздно случится мятеж. Армия должна начинать действовать исключительно по указу императора и с одобрения сената. Правила устанавливаются для того, чтобы их соблюдали, ваше величество. Кроме того, время для

войны, по мнению вашего покорного слуги, выбрано неподходящее. Главный наш враг, империя Ноаб, в настоящий момент копит силы. Они короновали новую императрицу Исирис, а знаменитый полководец Аль Маджали начал доминировать в политических кругах. Аль Маджали – выдающийся человек, собравший под своим крылом множество сильных подразделений. Рано или поздно мощь эта будет брошена против нас. Далее – действия Суллы вредят нам и напрямую. Альянс Градун в настоящий момент находится на грани распада. Королевство Тругель сильно сдало, а меж Коломом и Галиком недавно отгремела война. Стоило лишь немного выждать, и альянс вскоре распался бы сам по себе! А из-за неосмотрительно объявленной войны они опять сплотятся!» – жёг глаголом маститый политик, багровея лицом.

Взирая на него с высоты трона, император удовлетворённо про себя хмыкнул. Реакция Маркуса последовала именно такой, какой расписывал её Сулла. Даже приводимые доводы – и те совпали слово в слово!

«Как и ожидалось от моего друга Суллы! Как точно он всё просчитал – словно побывал в голове старого Маркуса!» – подумал он.

Но произнести такое вслух император, конечно же, не мог. Потому притворно вздохнул и спросил: «Чего же хочет сенат? Направить Сулле предписание вернуться? Но тот в открытом море, и связаться с ним нет возможности. Или мне выслать гонца сушей, чтобы выйти на связь уже после того, как тот сойдёт на берег?»

Маркус прикусил язык. Ведь как ни обвиняй Суллу в неправомерности действий, а связаться с тем у сената не было возможности.

Видя, что Маркус не сразу нашёлся, что ответить, император пошёл ещё дальше: «Итак, нам придётся связаться с ним уже после высадки на берег, то есть, когда Третий корпус будет находиться на земле Колома. Тут-то и начнутся настоящие трудности, не так ли? Ведь война уже объявлена, и если наши войска вдруг повернут вспять, не сложится ли впечатление, что мы бежим? Не нанесёт ли это урон репутации как моей, так и всей Арманской империи?»

Тут император был совершенно прав. До нынешнего дня армии Армана никогда не бежали от войны. Только продолжив эту традицию, можно сохранить честь страны и лицо императора. Если проиграть до вступления в бой, империя тут же столкнётся с сильнейшими беспорядками со стороны своего же народа.

Настроение Маркуса испортилось окончательно. Если вначале ему казалось, что Сулла действует исключительно из прихоти, то теперь появилось ощущение, что всё это чётко спланированная операция.

Если флот привели в движение, поздно звать его назад, и раз уж война объявлена, поражения допускать нельзя, без разницы, нравится это кому-то или нет!

И Сулла всё это предвидел.

Покрытое морщинами лицо председателя сената сморщилось ещё сильнее.

Однако Маркус оставался Маркусом. Он быстро придумал иной вариант: «Ваш покорный слуга был не прав. Сулла, конечно, совершил тяжкое преступление, но избежать войны теперь мы не сможем. Вредить интересам империи и ронять престиж вашего величества совершенно недопустимо. Но у вашего покорного слуги есть и другой способ уличить Суллу в грехах, не нанеся при этом урона чести Арманской империи.»

Император нахмурился, но спросил, что это за способ. Ему было любопытно, что же задумал старый Маркус.

«Раз война неизбежна, то пусть будет, однако смените полководца! Сулла – великий грешник, заслуживающий порицания. Прошу вас издать указ, отправив вместо него другого командира. А Суллу тем временем призовите на суд сената.»

Сердце императора сжалось. Он не мог издать такой указ. Ведь всё задумывалось для того, чтобы низвергнуть сенат и укрепить власть императора. И убрать с доски Суллу, ключевую фигуру всей партии, было решительно невозможно.

Помпейнус замотал головой: «Ни в коем случае! Как вы знаете, Маркус, Третий корпус – великое войско, созданное лично Суллой. В рядах его огромное количество тех, кто раньше были пиратами. Кто, кроме Суллы, сможет удерживать их в узде? Решиться на предложенный вами шаг – то же самое, что добровольно проиграть войну!»

Но Маркуса такой ответ не поставил в тупик. Он быстро озвучил альтернативу, словно ответ был заготовлен заранее.

«Есть человек, способный привести к порядку Третий корпус. Пошлите в бой командира Второго корпуса – Пависа Божье копьё! Такой выдающийся человек, как Павис, в считанные минуты возьмёт Третий корпус под контроль и приведёт нас к победе.»

Сердце императора замерло. Маркус знал, о чём говорил. Павис Божье копьё считался величайшим мастером боевых искусств в Армане. Его добродетелей, а также репутации достаточно, чтобы контролировать любое подразделение империи.

В этой ситуации он не мог продолжить защищать Суллу. Но император предпринял последнюю попытку. Это была его, так сказать, финальная атака.

«В-верно. Такому, как Павис Божье копьё, можно доверить что угодно. Но, насколько знаю, сейчас он уединился для тренировок... верно же? И я не могу прервать тренировки Божьего копья.»

Император тоже говорил дело. Павис – настоящая гордость Арманской империи. Величайший воин, сопоставимый с герцогом Теодором из Священной империи Луан! Для Армана такой центр духовного притяжения необычайно важен.

Сокровище страны не должно испытывать помех при совершенствовании. С этим будет вынужден согласиться даже сенат!

Но именно этих слов и добивался Маркус, когда заговорил о Пависе.

Губы председателя сената дрогнули в слабой улыбке, когда он нанёс завершающий удар: «Конечно, они ещё не окончены. Но, как стало известно вашему покорному слуге, тренировка завершится в течение полумесяца. Вот тогда сразу и издайте указ. И призовите к ответу бесстыдного грешника Суллу!»

Лицо императора чуть заметно дрогнуло. Хоть внешне он старался сохранять невозмутимость, в груди гулко колотилось сердце.

Помпейнус огляделся. Сенаторы выстроились за спиной Маркуса и глядели сияющими глазами. Каждый из оных пользовался значительной военной поддержкой. И каждый считал,

что власть сената должна ограничивать императора.

Вступать с ними в открытый конфликт прямо сейчас неразумно. Потому император вынужденно кивнул.

«Ч-что ж... да будет так. Как только тренировки Пависа завершатся, я отправлю его на войну. Однако до тех пор должность останется за Суллой, поскольку Третий корпус нельзя оставить без командования.»

С этим не мог спорить даже Маркус.

Итак, осталось двадцать, максимум двадцать пять дней до того, как Павис прибудет в Колом. Императору удалось выиграть для Суллы только эти два десятка дней.

Теперь Сулле оставался лишь один путь – захватить Колом. В противном случае его отстранят от должности и принудительно отправят домой.

Помпейнус чувствовал за собой вину: «Прости, друг... Ты предложил мне силу, а я не смог стать твоим щитом. Двадцать дней!.. Прошу, соверши за это время что-нибудь эпохальное! Только тогда ты будешь жить, и я с тобой выживу тоже.»

И рука императора стиснула подлокотник трона.

«Кхм, двадцать?.. Нам придётся сожрать Колом за двадцать дней? Хех, а это грозит стать поистине напряжённой баталией!»

Прочитав письмо со стенограммой переговоров императора с сенатом, Сулла не казался обескураженным. Всю свою реакцию он выразил тем, что просто хмыкнул.

Захватить Колом за столь короткий срок не такая уж легкая задача. Но это лишь подстёгивало решимость Суллы.

Но прочитав второе письмо, он при всём своём бесстрашии, не мог не нахмуриться.

В нём в подробностях рассказывалось, как принималось решение о предоставлении военной помощи альянсом Градун.

О быстрой реакции Колома и безоговорочном признании вины канцлером Базелицем. И весть о согласии отправить подкрепления.

Докладывалось, что инициатором судьбоносного решения стало королевство Галик. Несмотря на недавнее вторжение, они выслали на подмогу девяносто два рыцаря и шесть тысяч солдат. Руководствуясь их примером, отряды выехали также из малых королевств Тругеля, Теуриума, Нофола, матриархального Джанкаро, Эвона и Хонса.

Жамк!

Пробежав глазами содержимое, Сулла смял письмо.

«Хо! Значит, девять королевств снова объединились? Неожиданно! Поверить не могу, что гордые коломские щенята столь резво бросились посыпать голову пеплом! Да уж, вопреки ожиданиям, герцог Базелиц оказался достойным противником! Я думал, у тамошних людей вместо голов камень, но, ишь ты, сообразительные тоже нашлись! О, я ещё слышал, что Любек, обучавшийся военному делу в Армане, тоже присоединился к ним? Хо-хо-хо, тоже тот ещё

придурок! Изучил нашу тактику, стратегию, всё военное дело, но не смог взять в Галике даже захудалой деревни? Да и сами галикцы не лучше! У этих ублюдков, должно быть, самоуважение отсутствует в принципе! Выслали подкрепление несмотря на то, что весной пострадали от Колома? Ой, меня ударили по левой щеке – так подставляю же правую? Так? Хы-хы-хы!»

Но как Сулла ни балагурил и ни смеялся над собственными же шутками, на лицо его набежала тёмная туча. Он чувствовал, что задача сильно усложняется.

Хык осторожно поинтересовалась: «Ч-что будем делать, господин? Ведь дело придётся иметь не только с Коломом, но и со всем альянсом Градун! И при этом нужно захватить столицу Колома за двадцать дней. А неудача будет стоить вам должности командира.»

На это Сулла ответил равнодушно: «Ну и что с того? Или предложишь развернуться и плыть назад? Стоит вернуться ни с чем, и стариканы из сената набросятся на меня словно стая гиен, чтобы разорвать на части. Для них я – лакомый кусок. Зелёный пацан с огромными богатством, властью, репутацией, даже военной мощью – вот каким они видят меня! И не ведают слова «нет». Пусть животы их заплывли жиром, они до сих пор не могут унять жадность. Если я вернусь, они совершат попытку отнять у меня всё.»

Женщины до хруста сжали кулаки. Глаза их тоже наполнились злобой.

Легко возбудимая Джок прокричала: «Если это случится, мы не будем знать пощады! Мы вспорем их животы, выпотрошим и оставим сушиться на солнце их внутренности!»

Гым поддержала подругу. Потрясая кулаками, она закричала, не уступая той в громкости: «Верно! Потроха их нужно просушить на солнце! Это точно улучшит их цвет...»

Гым вновь занесло. Вопреки серьёзному выражению на лице, она в очередной раз отклонилась от темы, и язык повел её не в те дали.

Но ситуация действительно была непростой. Если в обычное время подруги расхохотались бы над вздорными речами, хватаясь за животики, то сейчас им было не до того, поскольку они усиленно призывали стрелы проклятия на сенат.

Даже Сулла, никогда не упускавший возможности посмеяться, в этот раз не стал подкалывать Гым. Глаза его сверкнули, а решимость во взоре стала только сильнее.

«Сенат силён. Но где такое видано, чтобы гиены ели слонов? Моя шкура такая толстая, что они просто обломают зубы. Что ж! Мне не нужны двадцать дней, чтобы одолеть разномастный сброд, каким является альянс Градун. Я управлюсь за четырнадцать! И тогда поддержка арманского народа будет на нашей стороне. Опираясь на неё, мы сокрушим стариков из сената одного за другим!»

Когда-то Маркус хвалил Суллу, утверждая, что тот станет достойным соперником Аль Маджали. Теперь же тот был готов сразиться с самим Маркусом. За империю и за своего императора!

Вот только он не знал, не имел ни малейшего понятия, какую гору собирается преодолеть.

Гора эта – не Маркус из сената. И не престарелый полководец Меч божий Тевеус, и не Павис, словно бог владеющий копьём. И даже не сам сенат. И точно не Аль Маджали из Ноабской империи.

Горой этой являлся Широн.

Пока Сулла даже не догадывается о его существовании. Но вскоре узнает. Совсем скоро он прочувствует всем своим существом, что, не одолев Широна, не сделает ничего. И то, насколько высока эта вершина.

<http://tl.rulate.ru/book/104928/4597467>